

Инухико Ёмота

И ВСЁ ЖЕ, ПОЧЕМУ РОССИЯ ВЫЗЫВАЕТ У НАС НОСТАЛЬГИЮ?

Очерк впервые опубликован в японском журнале «Синтё» “新潮” (июнь 2022). Перевел с японского Александр Беляев.

Текущая международная общественно-политическая ситуация в связи с Россией настраивает японских интеллектуалов и японское общество в целом на мемуарно-рефлексивную, ностальгическую тональность. Чем представляется Россия и Советский Союз в глазах японцев? Отечественная история культуры в самом широком смысле — классическая литература, классическая музыка, наука, кино, космос, кухня — все это подвергается беглому, краткому, но панорамному рассмотрению со стороны одного из японских интеллектуалов современности. Специфика японского взгляда на Россию в сопоставлении с восприятием Запада и Америки, безусловно, не лишена субъективности и черт, присущих послевоенному поколению, в чем автор честно признается. Примером сложного синтеза России и Японии в одном лице служит фигура практически забытого писателя Оидзуми Кокусэки (1893–1957), наполовину японца, наполовину русского: с него начинается и им же завершается предлагаемый очерк.

Ключевые слова: российская история, русская литература, русская культура, советское кино, японское кино, японская литература, японское послевоенное общество, российско-японские культурные контакты, азиатско-европейская проблематика, политика.

Сведения об авторе: Ёмота Инухико (р. 1953, в настоящее время живет в Йокогаме), поэт, эссеист, кинокритик, специалист в области сравнительного литературоведения. В прошлом — преподаватель ряда университетов (Университет Мэйдзи, университет Тоё, Колумбийский университет, Болонский университет, Университет Чунан в Сеуле). Автор более ста книжных публикаций самого разного характера и тематики (литературная критика и эссеистика, поэзия, история азиатского кино), не считая журнальных статей, публикаций в соавторстве и переводов.

Сведения о переводчике: Беляев Александр Павлович (р. 1982, Москва), ст. преподаватель ИКВИА НИУ ВШЭ. Поэт, специалист в области ориентальной каллиграфии, переводчик (в том числе перевел с японского книгу Ёмоты Инухико «Теория каваяи» (НЛО, 2018) и его же эссе «Разделяя разделенное» («Искусство кино», № 1, 2022)).

Контактная информация: apbelyaev@hse.ru.

Inuhiko Yomota

STILL, WHY IS RUSSIA SO NOSTALGIC FOR JAPANESE?

The current international socio-political situation in connection with Russia sets up Japanese intellectuals and Japanese society as a whole for a memoir-reflexive, nostalgic tone. What is Russia and the Soviet Union in the eyes of the Japanese? Domestic history of culture in the broadest sense — classical literature, classical music, science, cinema, space, cuisine — all this is subjected to a cursory, brief, but panoramic review by one of the Japanese intellectuals of our time. The specificity of the Japanese view of Russia in comparison with the perception of the West and America, of course, is not without subjectivity and features inherent in the post-war generation, which the author honestly admits. An example of the complex synthesis of Russia and Japan in one person is the figure of the almost forgotten writer Oizumi Kokuseki (1893–1957), half Japanese, half Russian: the proposed essay begins and ends with him.

Key words: Russian history, Russian literature, Russian culture, Soviet cinema, Japanese cinema, Japanese literature, Japanese post-war society, Russian-Japanese culture exchange, Asian-European problem, politics/

About the author: Yomota Inuhiko (b. 1953, currently living in Yokohama) is a poet, essayist, film critic, and specialist in comparative literature. In the past, he has been a lecturer at a number of universities (Meiji University, Toyo University, Columbia University, University of Bologna, Chunan University in Seoul). He is the author of more than one hundred book publications of a very different nature and subject matter (literary criticism and essays, poetry, history of Asian cinema), not counting journal articles, co-authored publications and translations.

About the interpreter: Belyaev Alexander Pavlovich (b. 1982, Moscow), — Art. Lecturer (IOCS, HSE). Poet, specialist in oriental calligraphy, translator (including the translation of Yomota Inuhiko's book "Kawaii-ron" (New Literary Review, 2018) and his essay "Separating the Divided" from Japanese (The Art of Cinema, No. 1, 2022)).

Contact information: apbelyaev@hse.ru.

В феврале этого года мне представилась возможность рассказать о том, чем я занимаюсь в последнее время, на московской конференции «История и культура Японии». По причине ковида все доклады проходили в «Зуме». Так что пожевать моро-

женого в заиндеветших московских парках, как это обычно делают все москвиты, мне не удалось. Участники конференции сидели в своих домашних кабинетах перед мониторами, дискутировали, задавали вопросы. За спинами докладчиков

на экранах сплошь стеллажи с книгами: повседневное пространство ученого человека. Что русские, что японские гуманитарии — образ жизни у всех у нас примерно одинаковый, подумал я и усмехнулся.

Итак, начал я, был такой писатель **Оидзуми Кокусэки** (1894–1957). Он владел умами и душами японских читателей во времена Тайсё (1912–1926). Сейчас о нем помнят разве что редкие пытливые книгочеи или специалисты в области литературы. По-японски его звали Киёси, по-русски — Александр Степанович Киёсский. Родился в Нагасаки, отец — русский дипломат, мать — японка дворянско-самурайского происхождения. Отец почти сразу же после рождения сына уезжает по делам службы в Ханькоу, где вскоре и умирает. Маленького Киёси родня забирает в Москву, там он начинает ходить в школу.

Молодые годы Киёсского продолжают в Париже, он учится в лицее Сен-Жермен. Первая написанная им (на французском) вещь посвящена музею Гюго. Возвращается на родину, оканчивает школу в Нагасаки. Опять приезжает в Россию, оказывается в Петрограде, в эпицентре революции, сожительствоует с девушкой-еврейкой. Страшась погромов, революционного хаоса и гонений по национальному признаку, опять возвращается в Японию. Поступает на учебу в Киото, наследство его постепенно тает. Перебирается в Токио, снова начинает учиться, снова бросает. Начинает работать — то на верфях Исикавадзимы, то занимается коженным делом в Асакуса. Вспоминая свою детскую встречу со стариком

Толстым в Ясной Поляне, пишет статью для журнала «Толстовские штудии». Впервые подписывается как «Оидзуми Кокусэки». Воспользовавшись случаем — отправкой японских войск в Сибирь — оказывается в Чите. По возвращении в Японию дебютирует в качестве журналиста-эссеиста, знатока России.

К молодому человеку с необычной биографией присматривается главный редактор журнала «Тюокорон» **Такита Тёин**. Публикует его «Автобиографию». В одночасье Кокусэки становится знаменит. Сейчас в это невозможно поверить, но в те времена — на дворе 1919 г., Кокусэки исполнилось двадцать пять лет — журнал «Тюокорон» был вратами в мир литературы.

Далее он пишет роман, где главным героем выведен Лао Цзы — вещь становится бестселлером. Затем следует исторический роман из жизни Нагасаки XIX в. Переводит Горького, Лермонтова, издает «Историю русской литературы». Для молодого **Кэндзи Мидзогути** адаптирует «Мадемуазель де Скюдери» Гофмана, тем самым становясь у истоков японского экспрессионизма в кино.

Но тут Кокусэки начинают травить его же «коллеги по цеху». Обрушиваются нападки самого разного рода — дескать, он подделка, фальшивка, не знает толком русского и пр. Двери журнала «Тюокорон» (жалкий журнал-на́лишко!) перед ним закрываются — со смертью Такиты Тёина Кокусэки теряет своего единственного покровителя. Начинает писать красочные очерки о своих путешествиях по горам и долам Японии. По мере

усиления милитаристских настроений в стране все чаще подвергается очередным нападениям — космополит, иностранец... Жизнь Кокусэки обрывается на 64-м году, в 1957-м, к этому времени он окончательно спился, батрача толмачом на американской военной базе в Ёкосуке. Японский актер **Оидзуми Акира** (1925–1998) — третий сын Кокусэки.

Если вкратце, то вот так. Доклад мой прошёл успешно. Один за другим посыпались вопросы: почему такой выдающийся литератор, как **Оидзуми Кокусэки**, подвергался нападениям? Почему оказался забыт? Отвечая, я думал о том, что наши японские филологи дискуссий об этом авторе практически не устраивают. Никакого интереса у так называемых японских русистов этот автор не вызывает, если не считать пионерской работы **Накамото Нобуюки**¹. Однако самому Кокусэки все же наверняка приятно глядеть с того света на мои потуги, думал я, дописывая статью для грядущего сборника, и тут вдруг узнал новости: Россия вторглась в Украину.

«Стыд и позор», пишет мне по мейлду коллега из Москвы, пригласивший меня на давешнюю конференцию, и добавляет, что только что вышел свежий номер журнала «Искусство кино». На первой же странице значится: «Этот номер — антивоенный».

Тема номера — гражданская война. Означенный коллега перевел для этого номера мой текст, точнее, отрывок из книги об одном южнокорейском фильме, действие которого разворачивается на границе между Северной и Южной Кореей.

Сейчас, в начале апреля, как раз когда я пишу этот очерк, боевые действия в самом разгаре. Российские войска с самого начала рассчитывали на быстрое взятие Киева, но, видать, не задалось. Как дальше будут развиваться события — этого мне предугадать не дано. Может, как некогда во время войны во Вьетнаме? Или стороны пойдут на мировую? Не могу даже предположить. У японских медиа развязались языки: журналисты осуждают Путина, пеняют на чинимые им хаос и беспорядки, сочувствуют беженцам и потерпевшим, призывают прекратить войну и ратуют за мир. Нельзя сказать, что в этой ситуации по отношению к русским в Японии не возникает антипатии. Так, например, послышались призывы не ходить в один известный ресторан русской кухни, расположенный на Гиндзе в Токио, а в городе Саппоро перенесли (или отменили) выставку, посвященную русской литературе. Подобное недопустимо. Японское правительство по примеру Америки наложило на Россию экономические санкции, Россия же в ответ на это сообщила о полном прекращении работы над мирным договором.

¹ **Накамото Нобуюки** 中本信幸 (р. 1932) — японский русист, осуществивший новый перевод «Вишневого сада» на японский (1992); награжден Пушкинской медалью в 2008 г. Переводил Горького, Чуковского, Хикмета, Эренбурга, Товстоногова, Сергея Михалкова и др. В данном случае речь идет о работе Накамото «Оидзуми Кокусэки и Лев Толстой. Влияние толстовства и русской литературы вообще на жизнь и творчество Оидзуми Кокусэки» (1979), опубликованной в Бюллетене Института гуманитарных исследований университета Канагава (<https://iss.ndl.go.jp/books/R000000004-I2006580-00?ar=4e1f&locale=en>). *Здесь и далее — прим. перев. — АБ.*

Что, японцы в самом деле встревожены войной? По моему впечатлению, многие хоть и выражают обеспокоенность на словах, но при этом следят за военной обстановкой как за компьютерной игрой, в которую играют другие. Только о том и трезвонят, как зачумленные. Сами эти люди, похоже, не сомневаются в том, что находятся в зоне безопасности. Дискурсы и настроения у них исключительно такие: Украине надо как можно скорее пересматривать конституцию, а для обеих армий важнее всего наращивать оборону.

Цель моей статьи вовсе не в том, чтобы скорей-скорей успеть поучаствовать в болтовне на тему этой глупой и ужасной войны. Я хочу сказать вот что: по отношению ко всему, что можно называть русским или российским и что так или иначе нас окружает уже долгое время, у нас, у японцев, выработалось более глубокое отношение, за которым скрываются сложные коллективные чувства и эмоции. Поставлю вопрос прямо: почему японцы испытывают ностальгию по отношению к слову «Россия»? Почему вдруг сейчас стали испытывать? Ведь речь тут идет не только о кино и литературе. Кухня, музыка, все что угодно. Почему все, что имеет русское происхождение, оказалось овеяно для нас такой магией очарования и вызывает такую близость? Для сравнения: в адрес Америки или Франции мы ощущаем совсем другое — скорее восхищение или даже преклонение на грани с завистью, от чего возникает комплекс неполноценности,

точнее, своего рода легкое напряжение, тонкое, едва заметное. В чем же разница между нашим отношением к России и к странам Запада? Вот о чем я хотел бы поразмышлять в данном случае.

С исторической точки зрения приязненному отношению японцев к русским мешал ряд препятствий. Русско-японская война, затем Сибирская экспедиция японских войск (1918–1922), наконец, сражения ближе к концу Второй мировой²: много раз обе страны — Россия и Япония — опалили друг друга огнем войны. Так, в августе 1945-го Советский Союз, в одностороннем порядке нарушив договор о ненападении, ввел свои войска в Маньчжурию, в результате чего огромное количество японцев попало в плен и было отправлено на изнурительные каторжные работы. Диктаторский режим Сталина наводил на японцев ужас, наличие у Советского Союза ядерного оружия грозило всему миру концом света. Проблема Северных территорий до сих пор не решена, и только по этой причине между Японией и Россией не подписан мирный договор. И вдобавок ко всему этому — вот, пожалуй, еще и Украина.

В связи с Россией пресловутые «травмы» громоздятся одна на другую. Со странами Запада — если только не брать Америку, чье присутствие в Японии после поражения в войне до сих пор весьма ощутимо, — то есть с бывшими Великими державами вроде Франции или Германии Японии никакие травмы не связывают.

² Имеются в виду бои между японской квантунской армией и советскими войсками; в историографии прецедент известен как «Маньчжурская операция» или «Августовская буря», 1945 г.

С Россией же Япония неоднократно воевала, поэтому неудивительно, что антироссийские настроения в обществе присутствуют. И все равно, несмотря на это, при слове «Россия» меня обуревают чувства ностальгии: в памяти всплывают русские народные песни, вспоминаются наши студенческие театральные постановки по Чехову, японские гастроли советского цирка, оперы Большого театра.

В чем же природа подобной ностальгии? Страна, которая наводила ужас на весь мир до тех пор, пока с грохотом не развалилась, послужила причиной тому, что теперь вдруг ушедшая, стародавняя Россия, этот синоним всего практически накрепко забытого и отошедшего в прошлое, делается предметом воспоминаний и мыслится мной в категориях утраты? Ну, хорошо, допустим — да это и в самом деле так — Япония начала XX в. многое переняла и восприняла от России. Строй и стиль японской литературы того времени отталкивался от переводов Тургенева, выполненных знатоком русской литературы **Фтабатэем Симэем** (1864–1909), а в начальных титрах к фильму «Духи на дороге» (реж. **Минору Мурата**, 1921) — этот фильм стал, кстати, провозвестником японского движения за чистый кинематограф — так вот, в титрах значилась цитата из пьесы Горького «На дне», причем на русском и на японском. История нашей музыки прекрасно помнит о той роли, какую сыграли для японских классических оркестров осевшие в Харбине русские белогвардейцы. Нет необходимости продолжать приводить примеры подобных влияний в сфере культуры, ибо они известны. Я хотел бы ско-

рее рассказать о том действительно близком присутствии России, которое ощущалось мной в условиях японского социума послевоенного времени. Я хочу поведать о своем наивном восхищении молодости: о том, как я был охвачен русской культурой и достижениями советской науки. Это будет автобиография моего, сугубо личного чувства к России.

Первыми мне вспоминаются добрые детские сказки в изложении Толстого. Ту самую книжку, что читала моя мать еще до войны, я дошкольником с удовольствием перечитывал по многу раз. Затем последовали русские народные песни. В самом ли деле это были «песни русского народа» и насколько оригинальной была мелодия — подобными вопросами никто не задавался. Люди постарше собирались в заведениях, где можно было попеть, и дружно выводили на японском «Тройку», «Красный сарафан», топали и хлопали в такт «Недельки».

До войны была распространена русская кухня. Пирожки, борщ, квашеная капуста. Помнится, даже в начальной школе на обед иной раз появлялось нечто под названием «борщ». Временами моя мать подавала на стол так называемый русский салат: это была гора капусты под маринадом. Я хоть и спрашивал у нее, при чем тут Россия, но ответа не получал. Потом, конечно, сладкие звуки мелодий Чайковского. Слово сочетание «Шоколад фабрики Морозова» тоже звучало сладко и волшебно. В ту же коллекцию — конфеты в форме шоколадных бутылочек с ликером фабрики Гончарова, хотя в детстве мне их не давали. Во вре-

мя семейных празднеств кто-нибудь из родни нередко вспоминал поездку в Харбин...

Перебирая свои воспоминания, связанные с Россией, я хочу сопоставить их с тем, что вспоминается мне в связи с Америкой. Бейсбол, вестерны, легкая музыка. Родившись в 1953-м, спустя два года после подписания мирного договора в Сан-Франциско, я принадлежал к другой молодежи, нежели поколение **Хасуми Сигэхико**³, на которое культура оккупационных войск наложила неизгладимый отпечаток.

В начале 60-х американская массовая культура была повальным явлением. Надо ли говорить, что это был результат американской политики по отношению к оккупированной стране. В кинотеатрах повсюду крутили голливудские фильмы, по телевизору — американские «домашние мелодрамы» (home drama) и мультики. В классах рядком стояли книги из серии «Школьная библиотечка»; за исключением Марии Кюри все это были истории про американцев. Эдисон, Гериг, Бейб Рут... спрашивается, зачем было пичкать меня историями про этих янки-бейсболистов, которые не имеют ко мне ни малейшего отношения? Уловки культурной пропаганды оккупантов, не иначе.

При том что в свое время я проходил стажировку в Америке, сегодня у меня вся эта послевоенная американская культура не вызывает ни малей-

шей ностальгии. Бейсбол как не волновал меня никогда, так и до сих пор не волнует, да и от вестернов Джона Форда не осталось ничего достойного воспоминаний. Ни корнбиф, ни гамбургеры не произвели на меня особого впечатления, так что сильного желания наброситься на что-то подобное я не испытываю.

Быть может, в своем поколении я оказался меньшинством? До такой степени ностальгировать по русской культуре и при этом оставаться совершенно равнодушным к культуре американской — вероятно, во мне какой-то изъян, мутация, присущая гражданину оккупированной страны во втором поколении? В тринадцать лет, забыв обо всем на свете, я читал «Как закалялась сталь» Островского — боюсь, я был один такой на всю Японию; среди своих однокашников — уж точно.

Вспоминая о том, с каким энтузиазмом я в свое время коллекционировал марки, я стал смутно догадываться, в чем причина моего преклонения школьной поры перед Советским Союзом. Марки мои аккуратно вклеены в альбом и расклассифицированы по странам; пересматривая в очередной раз свою коллекцию и дойдя до СССР, я внезапно все понял. Совсем не песни и не сказки влекли меня к советскому. Да и коммунизм был мне, честно сказать, до лампочки. Но — «Спутник»! «Восток»! Эти слова олицетворяли космические открытия, иными словами, прогресс, развитие науки

³ **Хасуми Сигэхико** 蓮實重彦 (р. 1936) — известный японский кинокритик, специалист в области французской литературы и теоретической мысли; переводил на японский Гюстава Флобера, Жана-Люка Годара, Алена Роб-Грийе, Ролана Барта, Жюль Делёза и др.; с 1997 по 2001 г. занимал пост ректора Токийского университета.

и искусства, которые были устремлены в будущее. Советский Союз был, безусловно, пионером в освоении космоса. Юрий Гагарин наряду с великим иллюзионистом советского цирка Эмилем Кио — вот кто был моими героями и кумирами.

На этом я хотел бы прервать свои личные воспоминания. Читателю моего поколения и самому наверняка есть что вспомнить и добавить к моему перечню. Если взглянуть с точки зрения истории культуры, то русская культура, присутствовавшая в послевоенном японском обществе, была чем-то вроде контркультуры по отношению к культуре американской, диктовавшей свои условия на правах оккупантов. Нельзя сказать, что американский генштаб (англ. GHQ, от «General Headquarters») встречал проявления русской культуры с распростертыми объятьями. В условиях холодной войны были опасения, что культура страны-соперницы будет распространяться в Японии на манер пропаганды, поэтому было решено, к примеру, ввести регулятивные меры и ограничить показы советских фильмов. В действительности это означало тайные просмотры на службе или в домах культуры для рабочих, причем иной раз фильмы крутили или еще не прошедшие цензуру, или вовсе запрещенные. Что касается известной в Японии кинотехнологии техникolor, то в это время Советский Союз перегоняет Голливуд. Японцев поразила пышущий красками сказочный мир фильма «Каменный цветок», а «Сказание о земле Сибирской» привело в вос-

торг своими песнями на фоне величественных пейзажей.

В 1950 г. начинает выходить журнал «Советское кино». В Японии это издание становится важным печатным органом, публикующим независимые профессиональные киноведческие работы. «Соцреализм», за который ратовал Сталин, в Японию попал в качестве явления, основным посылом которого было сохранение и оберегание традиционной народной культуры. Демократия на американский манер, принятая в качестве основополагающего принципа, одним ударом отсекала довоенную культурную традицию, окрестив ее «феодализмом»; подобная принудительная, силой насаждаемая тенденция или идеология до определенной степени играла роль седативного препарата.

В 1951 г. был подписан Сан-Францисский мирный договор. По мере восстановления политической независимости Японии статус Советского Союза в качестве источника оппозиционной культуры становился все очевиднее. Один за другим в Японию стали приезжать классические музыканты, всюду их встречал теплый прием. Восторженные впечатления от визита в Японию Давида Ойстраха, например, засвидетельствованы в книге «Черная бабочка» (1955) **Иноуэ Ясуси**⁴. 1958-й стал годом неслыханного советского бума в Японии. Классические исполнители-музыканты — это само собой, но и театр, и цирк активно гастролировали по всей Японии. Театр новой

⁴ **Иноуэ Ясуси** 井上靖 (1907–1991) — японский писатель, поэт и эссеист; на русский переведен ряд его произведений, в том числе «Сны о России», «Лоулань» и др.

драмы «Сингэки»⁵ приостановил свои спектакли ради приехавшего МХАТа, на спектакли которого вся труппа ходила наряду с простыми зрителями. К этому же времени относится начало продажи импортных сластей, на рекламах которых значилось: «Вкус Москвы».

На этом фоне один за другим стали заявлять о себе японские писатели, которые в университетах учили русский и сочиняли свои произведения под влиянием русской литературы XIX в. Я говорю о литературной генерации, к которой принадлежат **Ли Хёсон (Ри Кайсэй), Гого Мэйсэй, Мориути Тосио**⁶. К семидесятым годам эта волна уже практически схлынула, однако само ее возникновение было симптоматичным: Россия пронеслась вихрем авангарда по всему миру, и Япония при этом не осталась в стороне, особенно в том, что касается теории литературы и современной мысли. Речь идет о Михаиле Бахтине и о тартуском семиотическом кружке. Совсем недавно снискавший мировую известность фильм «Сядь за руль моей машины» (2022, реж. **Хамагути Рюскэ**) — экранизация одноименного рассказа **Харуки Мураками**, значимую часть которой занимают сцены репетиции пьесы Чехова «Дядя Ваня», также однозначно сви-

детельствует в пользу преклонения японцев перед русской литературой.

Я вовсе не хочу сказать, что европейская классика — будь то музыка или «серьезная» литература (*дзюнбунгаку*) — являются для японцев чем-то слишком высоким и недоступным пониманию. Я говорю об огромном влиянии культуры и искусства именно России и именно на массовую японскую публику, на простой народ. И тут необходимо вспомнить о тех писателях, художниках и деятелях искусства в широком смысле, к которым применим эпитет «народный» (*кокуминтэки*) и в чьем творчестве воплотилось и отразилось миропонимание и мировоззрение массового послевоенного японца. Достаточно рассмотреть лишь самых ярких и характерных представителей этого ряда, которые творили в разных жанрах — кино, комиксы-манга, литература, — и мы поймем, что все они являлись яркими и пылкими поклонниками и обожателями России.

Кинорежиссер **Акира Куросава** (1910–1998) с детских лет насмотрелся пролетарской живописи, а от своего родного брата Хэйго узнал о русской литературе. После войны Куросава экранизировал «Идиота» Достоевского и «На дне» Горького.

⁵ «Сингэки» (新劇), или «Новая драма» — главенствующее направление японского реалистического театра, возникшее в начале XX в.; развивалось под влиянием Шекспира, Мольера, Ибсена, Чехова, Теннесси Уильямса и проч.

⁶ **Ли Хёсон (Ри Кайсэй)** 이회성, 李恢成 (р. 1935) — японский писатель корейского происхождения, родился на Сахалине, выпускник русского отделения университета Васэда. **Гого Мэйсэй** 後藤明生 (1932–1999) — японский писатель, родился в Корее, также выпускник русского отделения университета Васэда, на русский переведен рассказ «Мужчина, который возвратился домой». На творчество писателя сильно повлиял гротеск Кафки и Гоголя. Известный японский критик и теоретик литературы **Каратани Кодзин** (р. 1941) и уже упоминавшийся выше **Хасуми Сигэхико** высоко оценили его вещь «Между двух огней», написанную под влиянием Гоголя; критики причисляют Гого к так называемому поколению интровертов (*Найко-но сэдай*, 内向の世代). **Мориути Тосио** 森内俊雄 (р. 1936) — японский писатель, поэт, также окончил русское отделение Васэда.

Кроме того, он снял советско-японский фильм «Дерсу Узала», главный герой которого — охотник, представитель одной из множества малочисленных народностей Сибири.

Аниматор, мультипликатор и рисовальщик комиксов **Тэдзука Осаму** (1928–1989) был страстным любителем русской классической музыки и балета. В поисках материала он обращался к русским сказкам, нарисовал мангу для девочек «Красный снег», в которой Чайковский выручает несчастную барышню, а также выпустил авторское прочтение «Преступления и наказания» Достоевского в жанре манга. Более того, Тэдзука Осаму строго различал Россию и Советский Союз. В некоторых его произведениях появляется тоталитарная милитаризованная держава под названием «Мигуруся», моделью которой явно послужил Советский Союз; живописно изображен устрашающий, жуткий характер политического устройства этой страны. Однако несмотря на это, вернее, благодаря этому тяга Осаму ко всему «русскому» проявляется куда сильнее. Аниматор-энтузиаст, он создает мультипликационную версию «Картинок с выставки» Мусоргского; незаконченной осталась его «Лесная легенда», вдохновленная 4-й симфонией Чайковского.

Писатель, эссеист и автор песенных текстов **Ицуки Хироюки** (р. 1932) изучал русский язык и русскую литературу в университете Васэда и на литературные подмостки взлетел благодаря новелле «До свидания, московские стилиаги» (1966). Главный герой этой вещи сомневается в своих способностях джазо-

вого пианиста и становится музыкальным продюсером. Он приезжает в Москву, где местные бюрократы от культуры вызывают у него омерзение своим чванством, высокомерием и косным взглядом на музыку. Встретив на улице одного из стилиагов и благодаря этой встрече очутившись в сомнительном питейном заведении, главный герой неожиданно для себя самого наблюдает «возрождение» джаза. Эту короткую новеллу, в которой джазовый элемент роднит антиобщественную контркультуру социалистической Москвы с американским чернокожим населением, вполне можно назвать прорывной. Через год в переводе на японский выходит «Звездный билет» Василия Аксенова: история двух братьев, один из которых — ученый, другой — битник. А через два года после выхода новеллы Ицуки, в 1968-м, на японском языке впервые появляются стихи Бродского.

Недавно в Японии вышел десятый том эпопеи Ицуки Хироюки «Ворота в юность», которую автор пишет уже на протяжении полувека. Главный герой этой вещи появился на свет в Тикухо (префектура Фукуока, на севере о. Кюсю), знаменитом своими угольными разработками; в шестидесятые он пытается пересечь Сибирь, где получает ранение. Скрываясь от КГБ на берегах Байкала, в страхе, что его все же найдут, он изучает русский язык — в этом ему помогает его русская возлюбленная. По возвращении на родину он получает приглашение от советского цирка и таким образом добивается успеха. Начинается его международная артистическая бурная жизнь. Короче говоря, эпопея представляет

собой невероятную, хотя теоретически и возможную, кто его знает, в любом случае — совершенно фантастическую автобиографию Ицуки-руссофила.

Итак: Акира Куросава, Тэдзука Осаму, Ицуки Хироюки. Это не университетские профессора, посвятившие свои жизни изучению России и русского мира. Всех троих объединяет одно обстоятельство: где-то и когда-то в незапамятном детстве каждый из них познакомился с Россией и пронес свою очарованность культурой этой страны через всю свою творческую жизнь, реализовавшуюся в музыке, литературе, кино, анимации. Будучи японцами послевоенного времени, все трое с неизбежностью испытали на себе и американское культурное влияние. Для Куросавы это — Джон Форд, для Осаму Тэдзуки — Дисней, для Ицуки — джаз и блюз. Однако их отношение к российскому — это одно, а к американскому — совсем другое. Различается само направление взгляда.

Американская культура подавляет японцев своим масштабом. Тэдзука Осаму начинал с подражания американской анимации, картины «Семь самураев» и «Телохраниитель» Куросавы критики упрекали за сходство с вестернами (точнее, сказано так: эти фильмы вызывают те же реакции у зрителя, что и вестерны), Ицуки, в свою очередь, поднимает проблему: может ли японский джаз достичь уровня Америки, страны своего происхождения?

Россия же, в отличие от американского подавляющего воздействия,

производила эффект совершенно иной. И кино, и литература России не могли не стать образцами для подражания, но тем не менее они не превратились в святыни, перед которыми остается разве что пасть на колени и все. Суровые, строгие и серьезные романы Достоевского, при всем величии их достоинства, вполне могли направлять воображение Куросавы и Тэдзуки Осаму, эти истории можно было подвергать своеобразным авторским адаптациям. Ицуки, по мере пристального всматривания в Москву, откровенно высказывается против главенствующей в искусстве советской идеологии и фокусируется на исключенной из нее периферийной контркультуре. Все три автора очарованы русской (или российской) культурой, но она их не подавляет, не давит на них. Взгляды на Америку и на Россию — это разные углы и точки зрения, разные позиции и отношения. Трое означенных авторов, находясь на одном уровне с обычными, простыми японцами, смотрели на Россию с ностальгией. И японская публика смогла разделить их взгляды и чувства, сочтя всех троих «народными» любимцами.

Вернемся к поставленному в самом начале вопросу. Почему японцы ностальгируют по России? Почему, несмотря на все сложности, трагедии и травмы прошлого и нынешнего времени — что мирного, что военного — японцы все равно чувствуют симпатию и близость в отношении страны-соседа?

Понятное дело, простого ответа на этот вопрос не найти. Ни борщом, ни чеховскими пьесами про ма-

ленького человека тут ничего не объяснишь. Если позволить себе некую абстракцию, то, я думаю, проблема в том, что такое вообще Запад, западная культура. Конкретнее выражаясь, речь идет о том странном, диковинном и таинственном сочетании и совмещении «Востока и Запада», «Европы и Азии», которое представляет собой Россия в понимании и в восприятии японцев. В ходе модернизации Япония обрела новую идентичность, новый облик за счет западных моделей и образцов. Но для прозападной обновленной Японии Россия — это и Восток, и Запад, это что-то огромное, неохватное и несводимое только к западному модусу существования. Для Японии Россия — это не одна из стран Запада, за которой она вынуждена следовать, ощущая неравенство ситуации и свою ущербность в связи с этим, но первая западная держава, с которой Японии довелось сражаться и соперничать на равных. Именно это обстоятельство необходимо принять во внимание.

Европа никогда не считала Россию частью себя. Сегодня эта ситуация в сущности не изменилась. Периферийное государство, бывшее Киевское княжество, принявшее в X в. византийскую версию христианства, а вовсе не католичество. Затем наступил продолжительный период монгольского завоевания, в течение которого происходила этническая и культурная диффузия. Протестантизму, с которым одно время связывали основу и фундамент капитализма, не нашлось в России ни места, ни судьбы.

Наполеону принадлежит известное высказывание: «Поскребите русско-

го — и найдете татарина». Эти слова полководца не стоит понимать как выражение досады из-за неудачной военной кампании. Тут слышится истинное отношение к русским со стороны западных стран. После распада Золотой Орды массы кочевников, оставшиеся со времен монгольского нашествия, осели в степной зоне по всей Руси и территории от нынешней Украины до Средней Азии и постепенно ассимилировались с местными оседлыми народами. Представители знатных татарских родов поступали на русскую службу и вливались в среду русского дворянства. Не меньше сотни самых знатных русских родов имеют в своем происхождении древние татарские корни.

Так, если проследить родословную Тургенева или Булгакова, то окажется, что они — потомки татар. Унаследовав доставшееся от монголов высокоразвитое государство и систему налогообложения, Россия развивалась в качестве новой, молодой монархии.

Российские ученые мужи, тогдашние интеллектуалы, долгое время считали монгольский период истории своей страны «темными веками» и постепенно пришли к мифу о том, что русская культура — это наслаивание византийской христианской культуры на скандинавский субстрат. К концу XIX в. произошел повторный критический, научный пересмотр всего этого. В языковом отношении стало совершенно очевидно, что в русском огромный процент тюркизмов, что же касается верований русских крестьян, то оказалось, что в них обнаруживаются

многочисленные следы азиатского шаманизма. Сохранившийся классический пример такого рода — таинственный феномен юродивых (яп. 聖痴愚, букв. «святой + сумасшедший / умственно больной + глупец»), образы которых представлены, к примеру, у Мусоргского в «Борисе Годунове» или у Достоевского в «Идиоте». Молодой Кандинский, в свою очередь, также вдохновлялся традиционными шаманскими ритуалами финно-угорского народа коми.

Итак, Россия — это Европа, которая простирается в Азию. Не оттого ли европейцы называют русских «азиатскими варварами (дикарями)»? Но и сами русские не отрицают своего азиатского компонента. В «Дневнике писателя» Достоевского (1881) есть следы беспокойства по этому поводу⁷. Вероятно, это было общим местом для русских мыслителей, не обращавших особого внимания на то, что языком их повседневной жизни был французский. По иронии обстоятельств, подобная двойная идентичность — европейцы, хоть и азиаты — нашла сильную эмоциональную поддержку в идеологии «евразийцев» — от языковеда Трубецкого до Стравинского — которые, оказавшись в положении политических эмигрантов, в результате революции бежали на Запад. В качестве психологической компенсации за то, что Российская империя исчезла с карты Европы, они преисполни-

лись мистических надежд и ожиданий в отношении идеи Евразии. С другой стороны, нельзя забывать о фильме Пудовкина «Потомок Чингисхана» (в зарубежном прокате — «Буря над Азией», 1928), где рассказывается история о том, как молодой монгол, живущий в Сибири, поднял мятеж против британских колонизаторов, собрал многотысячное войско и одержал победу. Сама повесть «Потомок Чингисхана», по которой был снят фильм, как ни странно, всего через два года, в 1930-м, попала в Японию и была воспринята в качестве воодушевляющего призыва к борьбе за независимость народов Азии.

Почему же японцы вспоминают о России с ностальгией? На мой субъективно личный взгляд, когда японцы столкнулись с чужестранной культурой под названием «Россия», они сначала интуитивно почувствовали, а затем и убедились на деле в том, что перед ними не европейская культура в чистом виде. Посмотрев «Потомка Чингисхана» или взяв в руки «Ивана-дурака» Толстого, японцы сразу же почуяли эту сильную неевропейскую примесь, нечто отличное от Англии, Франции или Германии. И когда эта примесь получила со стороны японцев ответную реакцию, отклик, тогда и возникло это ощущение или осознание ностальгии. А может, в том была счастливая для японцев возможность мельком угля-

⁷ По-видимому, автор имеет в виду следующий пассаж из «Дневника писателя» 1881 г., январь (Ш. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?): *...Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия — да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем, — опять восклицают это! И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи — о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, — ведь это тоже наш больной корень, который не то что оздоровить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело — вот что необходимо!* (<https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1881/01/08/>).

деть черты того мира, который стремительно пропал из виду. И услышав мелодию «Красного сарафана», они спроецировали свою ностальгию по этому уходящему миру на соседнюю страну, в которую нога японского человека толком не ступала.

Военные действия на Украине продолжаются. Путина обвиняют в бесчеловечности, экономические санкции ужесточаются, российская армия при этом группируется в восточной части Донбасса. Если появится информация о массовых убийствах украинского коренного населения, тогда осуждение, критика и нападки в адрес России примут международный характер.

Путина держит и не отпускает глубокая обида, досада и горечь в связи с тем, что Россия с точки зрения стран Европы не является Европой. Что-то вроде застарелой болезни, не долеченной со времен царизма, но теперь, похоже, состояние обострилось и приняло гротескные формы.

Многие государства, некогда входившие в состав Советского Союза, отделились от России после распада СССР и стали частью западного мира, точнее, вернулись в него. Украина, будто младший брат, который до последнего был (или вынужден был быть) послушным, предприняла ту же самую попытку. Что до России, окруженной странами НАТО, то она оказалась в положении великана, к горлу которого приставили нож. Почему Россия оказалась в полной изоляции? Потому что Россия не считается европейской страной «в чистом виде». Для Путина это невыносимо. Тот, кого считали млад-

шим братом, мало того что оказался предателем, так еще и получил горячую всестороннюю поддержку стран Европы и Америки — такого тем более нельзя стерпеть.

Украина бросила Россию, порвала с Россией. Разве мы не братские народы? — подобный взгляд российской стороны мне напоминает гротескное отношение Японии к Корее времен японской колониальной политики. Я говорю о том времени, когда была распространена печально знаменитая пресловутая «Теория общих предков японцев и корейцев» (яп. 日鮮同祖論, *Ниссэндосорон*). Попытки Японии колонизировать корейский полуостров исчерпали себя за тридцать пять лет, но если представить, что процесс растянулся бы лет на триста, к чему бы это привело, учитывая неизбежную этническую и языковую диффузию? В путинском дискурсе о мифических корнях нет ничего удивительного. Однако он не в силах освободиться от давних представлений о том, что Россия — это не Европа, и огромная ее часть находится в Азии. Он мечтает вовсе не о возрождении Советского Союза. Я боюсь, как бы тут не зашла речь о возрождении общества и государства восточного типа, чего-то наподобие Византии...

Ирония состоит в том, что это именно Путин своим недовольством неевропейским характером или статусом России и своими вытекающими отсюда действиями и спровоцировал японское чувство ностальгии по России — вот о чем я размышляю в настоящий момент. По сравнению с ориентализмом, который проводит границу между Европой и Азией

и ведет к дестабилизации отношений между обеими, Россия сама по себе играет роль общего знаменателя в плане пространства, изначально обосновавшись на территории, которую много с кем приходится делить и которая много кого в себя включает. Боюсь, так будет и впредь. К чему может привести и какие формы может принять устремление Путина (сделать так, чтобы Россию считали полноправным, настоящим, «чистым» членом Европы), которое само по себе яростно отрицает важную особенность и свойство России? Даже если в качестве временной меры, так сказать, «на пробу», это заветное желание будет исполнено, и Россию возьмут-таки в Европу, все равно Россия не сможет этим удовлетвориться. Если Россия получит статус находящегося на пути развития «новичка» в Европе и к ней станут относиться соответствующе, оказывая должную поддержку, в этом случае Россия будет обязана удовлетвориться достигнутым. Если Россию убедят в том, что она — государство-анахронизм, тогда она уже больше не сможет вести себя как держава с сильной государственной властью. Но при этом должно как-то сохраниться этническое и культурное многообразие, составляющее население России. До тех пор, пока Россия сможет балансировать в условиях этой непростой двойственности или двоякости — между «поли- или мультикультурализмом»

и «чисто европейским устремлением» — японцы будут продолжать испытывать свою трудноописуемую ностальгию по России и близость к этой стране.

Что сказал бы по поводу всего этого Оидзуми Кокусэки, будь он жив? Юный Кокусэки, который в Чите наслушался рассказов японских солдат, отправленных в Сибирь, наверняка в наши дни отправился бы журналистом на Украину. Кокусэки, свидетель революции в Петрограде, выдавший насилие и разруху, наверняка возненавидел бы и счел бы огромной трагедией любые националистические проявления. Наконец, Кокусэки, в молодые годы благодаря Толстому прочитавший «Дао дэ цзин» Лао Цзы, возможно, до конца своих дней хранил бы молчание касательно Советского Союза. Не исключено, что этим в житейском плане мудрым и проницательным человеком тоже овладела бы глубокая ностальгия. Что до воспоминаний об утраченном прошлом, тут Кокусэки, сам того не ведая, стал выразителем объединяющего всех японцев чувства и ощущения.

Прим. Во время работы над этим очерком я многое почерпнул из книги Орландо Файджеса «Танец Наташи. История культуры России» (перевод на японский: Торияма Юскэ, Тацуми Юкико, Накано Юкио, изд. «Хакусейся», Токио, 2021).